

УДК 314.424.2

ПРОБЛЕМА СМЕРТИ И САМОУБИЙСТВА КАК СЛЕДСТВИЕ УСЛОЖНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ*

О.А. Осетрова*Днепропетровск, Украина*

Сколь многочисленными ни были бы факторы, формирующие восприятие суицида, важным моментом выступает то, что самоубийство – это сегмент феномена смерти в целом. И объяснить отношение различных обществ (цивилизаций) к суициду возможно через анализ их восприятия смерти как целостного образа, продуцируемого сознанием.

То, чего так жаждет человечество – бессмертие, по мнению Вейсмана, присуще именно низшим – одноклеточным протистам, поскольку они за счет размножения путем деления родительской особи на две равные половины, которые потом восстанавливаются в росте, не стареют и, таким образом, не умирают в плане отсутствия трупов. Шор, в конце концов, приходит к выводу о том, что развитие человечества, приобретшего разум и осознанную жизнь, оплачивается смертью.

Смерть – это результат усложнения человеческой структуры. Логически отсюда вытекает следующее: общепризнанное – мысль, следовательно, существую, то есть – «сознание – жизнь» сменяется на «сознание – смерть», причем, чем выше степень осознанности, тем ближе человек подступает к пределу, за которым – смерть (здесь я имею в виду – самоубийство).

Осознание своей смертности происходило в атмосфере страха – страха перед феноменом, который постоянно пытались осмыслить и представить. При этом не всегда осознание конечности конкретного человека проявлялось до осознания необходимости (обязательности) своей собственной смерти.

Об этом говорил З.Фрейд, а в наше время эту точку зрения разделяет М.А. Шенкао. Интересно, что, по мнению Фрейда, его современники (иначе, люди во все времена, я добавлю) не верят, не воспринимают то, что их ожидает смерть. Такое отношение к смерти находится подспудно в каждом человеке, а корнями своими уходит в амбивалентность восприятия этого феномена древними людьми как: 1) «утверждение» смерти «чужого»; 2) «отрицание» своей собственной. Я разделяю отмеченную точку зрения.

Я считаю, что осознание смертности как закона всего человеческого пришло не сразу, поскольку в силу естественных причин древние люди редко умирали «своей» смертью (интересно, что ряд исследователей высказывает мысль о том, что «чужой» смерти не бывает, она всегда – «своя»; об этом уже писал Сенека). Тогда как показателем развитости человека и степенью его человечности и «человечности» выступает, по моему мнению, именно рост самосознания «Я», который предполагает осознание своей конечности. Безусловно, человек должен осознавать себя как синтез временного и вечного (С.Кьеркегор), однако если в обозначенном синтезе наблюдается крен в сторону вечного, а временное игнорируется, имеют место мистика и отрыв от действительности (например, китайские даосы, погруженные в поиск бессмертия). В таком случае человеку, используя терминологию С.Кьеркегора, не миновать состояния отчаяния в форме отчаяния бесконечного при недостатке конечного.

Загадка смерти заключается в поисках ее смысла, а также причин, детерминирующих ее наступление. Более того, при учете диалектической связи, существующей между жизнью и смертью, вскрытие загадки последней позволит по-иному оценить смысл первой, а также приблизиться к постижению человеческого предназначения на земле.

Интересно, что, с одной стороны, именно развитие сознания привело к неразрешимости загадки смерти, а с другой, – разгадка смысла смерти, снабженная научными доказательствами, возможна только путем сознательного ее постижения. В противном случае все будет оставаться лишь на ступени гипотез, допускаемых человеческим сознанием.

По мнению Фр. Хуземана, процессы изменения, протекающие в сердце (Нотнагель) и в мозгу (Рибберт), не единственное, что влечет за собою смерть как природное явление, поскольку акцент на материальном (телесном) приводит к ущербу духовного в человеке. И более того, немецкий врач и ученый считает, что процесс смерти протекает не только в нервной системе, но и в системе крови, потому что последняя составляет телесную основу «я». По мнению Хуземана, распад эритроцитов в крови есть свидетельство вторжения сознания. Хуземан делает вывод о том, что смерть – это не единичное событие в конце человеческой жизни, а процесс длиною в жизнь, исходящий из центральной нервной системы и усиливающийся с развитием сознания (если отбросить уточнения исследователя по поводу центральной нервной системы и сознания, то получаем точку зрения Сенеки).

Постоянно оперируя определениями материальный и духовный и отдавая предпочтение второму, Хуземан считает постоянный рост самоубийств – духовным итогом материализма. При этом самоубийства прежних эпох для него, по сравнению с нашей современностью, были по своей сути менее значимыми для «Я» тех самоубийц по сравнению с нынешними, поскольку они имели несравненно более сильную связь с духовным миром (здесь, как я понимаю, дело даже не в материализме и атеизме, а во все более слабеющей с тысячелетиями духовной связи при наличии глубоких внутренних конфликтов).

Далее, самоубийство, с точки зрения Хуземана, есть свидетельство искомого противоречия в человеке «между инстинктивной природой и сознательным «я»», то есть биологические процессы начинают доминировать над сознательной деятельностью. При этом сами биологические процессы (особенно весной, считает врач) также протекают неумеренно, что связано с процессом сильного кроветворения.

Наряду с первой группой суицидентов, в которых доминируют процессы материализации духовного, Хуземан выделяет другую группу, характерной чертой которых выступает тяга к духовному, реализовать которую, с их точки зрения, единственно возможно путем преждевременного покидания тела, целью и результатом имеет «жизнь в духе», которая ускорит их развитие (вспомним, Сократ считал, что разум приобретает чистую форму лишь после освобождения от тела, и в этой чистой форме он получает возможность беспрепятственного развития). При этом ученый подчеркивает иллюзорность воззрений представителей и второй группы, отмечая в качестве побудительного мотива их действия «глубокие подсознательные противоречия их существа», которые объясняются врачом мистически «как последствия прежних земных жизней». По Хуземану, получается, что жизнь человека продолжается столько, сколько удерживается баланс между его эфирным телом и физическим.

Самоубийца искусственным путем нарушает этот баланс, и потому после смерти, имея нерастратенный потенциал, тоскует по земному телу. Следствием

такого заземления человека есть то, что он, впадая все более в область материального, теряет (или уже потерял) свою связь с миром духовного. Последнее же есть объяснение все более растущего числа самоубийств.

Чрезвычайно важно, что Хуземан акцентирует на духовно-душевной связи «Я» со своим социальным окружением, которое должно осознавать значимость для своего существования отдельной единицы, потому что, с точки зрения Хуземана, «если одна из них добровольно исключает себя, то это неизбежно пагубно отразится на целом».

Таким образом, одним из путей преодоления человечеством роста кривой самоубийств есть одновременная нацеленность на духовное человека и общества, открытых для взаимного диалога, предполагающего понимание и участие обеих сторон.

УДК 171

ТВОРЧЕСТВО, ПРАГМАТИКА И ГЕДОНИКА КАК ЭТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ В ОЦЕНКЕ ФАВОРИТИЗМА*

С.П. Пармонова
Пермь, Россия

Когда слышишь на конгрессах и конференциях речь о саморазорванности или «расколотости» современного сознания россиян, то становится очевидным, что ключ к трактовке сознания и поведения авторами не найден. Становится очевидным, что они не могут связать противоречия в полученных данных, в объяснении социальной реальности. Единственным способом адекватного представления об изменениях этического сознания является его типологизация. Следуя классической традиции от античности до современности, мы положили в основание типов морального сознания этические универсалии – творчество, прагматику и гедонику¹. Таких типов выделено три: коммюнитарист, прагматик и гедонист. В ходе исследований явился и четвертый переходный тип. Являются ли типы морального сознания конструктами или они реальны? Так же как «атом» и «роль» – конструкты, которые более или менее адекватно отражают реальность. Коммюнитарист преобладал в доперестроечном, социалистическом обществе. Высшим благом для него является благо общества, к человеку и труду относится как к цели. Его девиз: «Один за всех, все – за одного». В период перестройки и реформ стал набирать силу и преобладать прагматик. Это означало утрату терминальных ценностей обществом и нарастание инструментальных. Благо для него всегда имеет материальную форму и должно, по его мнению, принадлежать ему. К человеку и к труду он относится как к средству продвижения и материального успеха. Его девиз: «Каждый за себя, победитель получает всё». Высшим благом для гедониста являются ценности праздности, удовольствия, наслаждения. К человеку и труду он проявляет интерес, если – и только если – выражает его отношение: «это доставило мне истинное удовольствие». Его девиз: «где бы ни работать, лишь бы не работать». В настоящем в среде гуманитарной интеллигенции пермского региона